

Юлия Васильева

Юлия Васильева

Управлять дворцом не просто

Роман

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В75

Художник
С. А. Григорьев

Васильева Ю. С.

В75 Управлять дворцом не просто: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 314 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1014-9

Королевские смотрины... Венценосный жених в растерянности, невесты соревнуются в сумасбродстве, а политическая выгода и тонкий расчет ставятся выше любви. Банально и скучно? А что, если взглянуть на картину изнутри? Например, из кабинета управляющего дворцом вид открывается не менее захватывающий, чем с королевского престола.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1014-9

© Васильева Ю. С., 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

ГЛАВА 1

Уникальная методика борьбы с алкоголизмом

Настырный плющ все-таки продрался сквозь заросли сорняков и теперь, гордый своей победой над вредной растительностью, лениво оплетал беседку. Запутавшись подолом платья в вольготно разросшемся репейнике, я помянула главного садовника «ласковым» словом и усе-лась на скамейку. Отсюда прекрасно просматривался вы-ход из нашего дома, так что оставалось только ждать.

Ненавижу ждать! Я так нервно и шумно нарезала круги перед дверью отцовской комнаты, что даже невозмути-мый доктор Кальвин вынужден был оторваться от паци-ента, чтобы выдворить меня на улицу. Я обиженно посо-пела, но ушла, понимая, что только помешаю, а от этого доктор диагноз быстрее не поставит.

Непривычно было видеть отца больным и слабым: сколько себя помню, он никогда не жаловался на здоро-вье. Правда, работал без выходных и отпусков — когда-нибудь это должно было сказаться. И сказалось, естест-венно, в самый неподходящий момент — как раз перед королевскими смотринами, когда в Греладу собирались съехаться представители (главным образом представите-льницы) десятка иностранных государств, а также мест-ная знать. Без управляющего тут не обойтись. А он забо-лел, и не похоже, что болезнь скоро пройдет. Король не сможет быстро найти замену. И пожалуйста — престиж государства повис на волоске.

Я постаралась отвлечься от грустных мыслей, в чем мне помог некстати высунувшийся из норы крысолак. Тварь покрутила острой мордой из стороны в сторону и, заметив меня, с нетерпением стала ожидать обычной женской реакции. Пришлось разочаровать грызуна, метко запустив в него недозрелым яблоком, сорванным с ближайшей ветки. Крысолак обиженно пискнул и скрылся под землей. Дожили! В королевском саду завелись крысолаки, будто в обычном огороде. Иностранцы будут в полном восторге от близкого знакомства с подобными представителями местной фауны. Я вздохнула. И кто теперь станет этим заниматься?

Наконец на крыльце появилась сутуловатая фигура доктора Кальвина. Доктор относился к тому типу старичков, на лицах которых постоянно сохраняется приятное выражение, а в глазах прячется улыбка.

— Что с ним? — С этим человеком наша семья знакома давно, поэтому можно было надеяться, что он простит мое нетерпение.

— Ники, успокойся, не надо так нервничать.

Я постаралась взять себя в руки. Сделала глубокий вдох, выдохнула.

— Его болезнь опасна?

— Это лишь следствие переутомления и нервного напряжения. — Доктор Кальвин покачал головой. — Пара месяцев отдыха — и все будет в порядке.

— Отец не согласится отдыхать! Тем более в такое время...

— Уже согласился, я нашел нужные аргументы. Завтра он уезжает в деревню к твоей матушке. — Старичок лукаво улыбался, глядя на ошарашенное выражение моего лица.

— Вот черт! — Что-то как-то не очень хотелось ехать в деревню к матери и братьям, но, похоже, придется. Одну меня при дворе не оставят. — Спасибо вам. — Я вовремя опомнилась и попыталась хоть как-то загладить свою грубость.

— Ты уж проследи, чтобы отец соблюдал постельный режим.

— Обязательно. — Дав невыполнимое обещание, я сделала легкий реверанс и стремительно запрыгала по лестнице к входу в дом. Глаз с отца действительно придется не спускать до самого отъезда (с него станется уже завтра взяться за работу!), а уж в деревне от опеки маменьки ему никуда не деться.

Я как обычно вихрем пронеслась по коридору и, распахнув дверь отцовской комнаты, еле успела остановиться, чтобы не врезаться в чью-то спину, обтянутую дорогим вышитым камзолом. Не без труда подавив вопль возмущения, ибо по здравом размышлении стало ясно, что это не отец, самовольно поднявшийся с постели, мне удалось очень вовремя приглядеться к владельцу спины и камзола.

— Ваше величество. — Присев в глубоком реверансе, я почувствовала, что начинаю краснеть под удивленным взглядом серых королевских глаз. Проклятье!!! Как он мог попасть в дом? Крыльцо же постоянно находилось в поле моего зрения!

Отец закашлялся на кровати — несмотря на болезненное состояние, сцена доставила ему немалое удовольствие.

— Моя дочь, леди Николетта. — Никогда бы не подумала, что буду представлена королю подобным образом.

Его величество слегка кивнул (видимо, все еще не отошел от моей наглости) и вновь повернулся к отцу, сделав вид, что меня в комнате не существует.

— Вернемся к нашему разговору, Эдвард. Тебе необходимо определиться с заместителем на время отсутствия.

— Пожалуй, я уже сделал свой выбор, ваше величество. — Отец уселся поудобнее на кровати. — Моя дочь Николетта прекрасно меня заменит.

— Она?!!

— Я?!!! — Мы с монархом уставились друг на друга с одинаковым недоверчиво-удивленным выражением лица, затем медленно перевели взгляд на моего отца.

Сэр Эдвард был полностью удовлетворен эффектом сделанного заявления.

— Больше никому. Николетта как никто другой знает, в чем заключается суть моей работы. Остальным я попросту не доверяю.

Король еще раз критически осмотрел меня с ног до головы.

— Леди, сколько вам лет?

— Девятнадцать, ваше величество. — Отчего-то под его взглядом хотелось провалиться сквозь землю.

Монарх бросил выразительный взгляд на моего отца. Тот лишь пожал плечами:

— Ваше величество конечно же помнит, в каком возрасте состоялась его коронация.

Монарх поморщился, ибо короновали его в двадцатилетнем возрасте, после кончины отца.

— Хорошо, пусть будет так. Но запомни, Эдвард, ты рискуешь титулом младшего лорда.

— Я запомню, ваше величество. — Отец склонил голову, насколько позволяла его поза.

Король стремительно вышел из комнаты. А я уже достаточно пришла в себя, чтобы накинуться на отца с упреками.

— Папа, зачем ты это сделал?! Как я смогу управлять целым дворцом?!

— Ники, не кипятись. Это не так уж сложно, как кажется. Уверен, ты справишься. — Отец откинулся на подушки, и я заметила, насколько он постарел. Болезнь, казалось, добавила седины в бакенбарды и морщин под глаза. — На кого мне еще оставить дворец, Ники?

— Да хотя бы на сэра Ульвена!

— Тебе самой не смешно?

Оставалось только вздохнуть, вспомнив сэра Ульвена, который совался со своими советами решительно всюду и при этом обладал талантом портить абсолютно любое дело.

— Я ничем не лучше его.

— Поверь мне, Ники, гораздо лучше. Я в тебе полностью уверен. Советую приступить к своим обязанностям

прямо сейчас, пока я еще здесь и тебе есть кому задавать свои вопросы.

Я онемела от такого крутого поворота событий. Прямо сейчас? Мамочки! Наверно, на моем лице отразился довольно выразительный испуг, потому что отец стал тихонько посмеиваться.

— Иди сюда.

Я послушно подошла к его кровати.

— Это тебе пригодится. — Он снял с шеи массивный медальон управляющего и протянул мне.

Медальон был золотым, с огромным бирюзовым камнем посередине. Цепи, правда, не имелось — ее заменял толстый перевитый шнур. М-да, вот сейчас повешу этот булыжник себе на шею, и можно идти топиться в поросший кувшинками королевский пруд, не дожидаясь, пока монарх прикажет казнить меня за недобросовестное выполнение обязанностей. Я напустила на себя мученический вид и повесила украшение на шею. Медальон удобно расположился в вырезе платья, закрывая самую интересную его часть.

— Ты не хочешь дать мне никаких указаний?

— Нет, не хочу. — Сэр Эдвард для своего болезненного состояния улыбался подозрительно ехидно.

Меня начали терзать нехорошие предчувствия. Не люблю сюрпризов.

— Тогда я пошла?

— Иди, — еще более ехидно ответил отец.

Ну все, теперь я точно пропала.

Я вышла из дома и в нерешительности замерла на крыльце. Что делать дальше? С чего вообще нужно начинать? Необходимо все расставить по полочкам, иначе точно запутаюсь.

Итак, у меня две недели на то, чтобы подготовить дворец к приему гостей, а также на организацию различных увеселительных мероприятий вроде балов. Звучит как-то

обманчиво нестрашно. Что для этого надо сделать? Начнем с того, что гостям нужно где-то жить и что-то есть. Значит, первым делом к дворецкому и повару. Во-вторых, не хотелось бы ударить в грязь лицом... то есть... дворцом. Я грустно оглядела безнадежно запущенный сад: в таких дебрях мы можем потерять пару-тройку важных гостей, чем непременно вызовем дипломатический скандал.

Что-то подсказывало, что обращаться к главному садовнику по этому вопросу бесполезно, ибо оный пребывал в беспробудном пьянстве. Либо он у меня протрезвет, либо придется искать нового, что за две недели нереально. Вывод: надо самой как следует расшевелить садовников, чтобы они хоть немного привели парк в порядок. Шедевра лентяи, конечно, не сотворят, но потом не так стыдно будет называть эти джунгли перед дворцом садом.

Я решительным шагом направилась к оранжерее — уж там-то обязательно найду кого-нибудь из садовнической братии. И не ошиблась. Сквозь большие стекла мне открылась поистине живописная картина: трое мужиков рублились в карты на старой бочке, невесть как попавшей сюда из винного подвала, какой-то щуплый паренек явно пытался загорать под листьями заморской пальмы, среди кактусов лежало пьяное тело, которое, скорее всего, принадлежало главному садовнику. Итак, пятеро. Интересно, где носит еще десяток этих бездельников? Что-то мне совсем не верилось, что они работают.

Я набралась смелости и вошла в оранжерею. Трое игравших в карты подняли глаза. Видимо, мой вид не произвел на них должного эффекта, ибо они тут же вернулись к игре. Я подошла ближе и кашлянула. На меня снова обратили внимание.

— Привет, леди, — пробормотал один из игравших, усыпанный золотыми веснушками. Затем его взгляд упал на медальон. — Взяли у отца поносить?

— Не-э-эт, — очень недобро протянула я. — Взяла у короля.

Садовник слегка побледнел, так что веснушки на его лице стали казаться коричневыми пятнами.

— А у нас тут... обеденный перерыв... — жалобно пролепетал он, собирая карты, — ...заканчивается.

— Да пора бы уж, — «дружелюбно» улыбаясь, ответила я, — учитывая, что время близится к закату. Чем собираетесь заняться после «обеденного перерыва»?

— Ну, мы это... — растерялись садовники.

— Я слышала, что его величество собирался завтра прогуляться по западной части парка. Очень неприятно будет, если вдруг окажется, что он не любит дикорастущую флору.

Мужики согласно закивали и стали собирать свои инструменты.

Я посмотрела на паренька, который все еще безмятежно лежал под своей пальмой — спит, — подошла ближе и бесцеремонно ткнула его остроносой тубелькой в голый бок. Подросток пробормотал что-то невнятное и отмахнулся от меня рукой. Ну ладно! Пнула гораздо сильнее — он подскочил как ужаленный и начал испуганно озираться. Увидел меня и, отчаянно краснея, натянул рубаху.

— Спим, значит, — протянула я, недобро сузив глаза. Наверное, со стороны это смотрелось забавно, а не страшно, но паренек попятился и натолкнулся спиной на пальму. — У меня для тебя особое задание.

Кажется, любитель солнечных ванн принял без восторга мое заявление. Сейчас оно понравится ему еще меньше.

— Чтобы через час он был трезв и бодр. — Я кивнула на тело главного садовника, умильно обнимавшее кактус.

— Но как? — Парнишка смотрел на меня во все глаза.

— Не знаю. Придумай что-нибудь.

Когда я отошла от оранжереи метров на двадцать, сзади послышался звучный всплеск: паренек усердно окунал тушку главного садовника в озеро. Радикальный метод. Главное, чтобы озеро потом не зацвело.

Во дворце оказалось до неприличия тихо, лакеи и горничные призрачными тенями скользили вдоль стен и старательно меня игнорировали. Атмосфера та еще, аж мурашки по коже бегают. Такое ощущение, что во дворце покойник, а меня-то и не предупредили. Я некоторое время послонялась по помещениям в надежде найти кого-либо более-менее адекватного и уже почти отчаялась, как вдруг недалеко от библиотеки мелькнула знакомая растрепанная копна волос.

— Марика! — бросилась я к подруге, будто мы не виделись несколько лет.

Девушка от неожиданности вздрогнула и попыталась сбежать, но было уже поздно.

— Ты чего так орешь? Что-то случилось? — Она взяла меня за плечи, пытаясь уклониться от неадекватных объятий.

— Марика, что здесь происходит? Что за жуть такая случилась, что все ходят как в воду опущенные? — Я стратегически крепко ухватила горничную за рукав платья, чтобы она не вздумала от меня отделаться. С нее станется.

— А ты не притворяйся, будто не знаешь. — Подруга выразительно глянула на медальон у меня на груди. — Ты хоть представляешь, что стало с господином Гальяно, как только ему сообщили? Ники, ну как тебя угораздило во все это ввязаться?

Я в красках представила себе, что случилось с дворецким, как только он узнал, что управляющим стала какая-то сопливая девчонка, а не он, и даже подивилась, что дворец еще стоит на месте, а не превратился в живописные руины. Господин Гальяно у нас мужчина сверх меры темпераментный да к тому же уверенный, что место женщины на кухне.

— Думаешь, я сама на это подрядилась?

— Зная тебя, можно предположить и такое, — хмыкнула Марика, ненавязчиво стараясь освободить свой рукав.

— А зная моего отца, можно предположить, что все это состряпал он. Да так оно и есть.

— Ники, мне работать надо, — наконец взмолилась горничная.

— Ладно уж, иди, — великодушно разрешила я, отпуская ее рукав. — Только скажи, где Гальяно.

— На втором этаже, заперся в кабинете казначея и бушует.

— А почему в кабинете казначея?

— Ну откуда ж мне знать? Вытурил беднягу Саржо и вот уже минут пятнадцать не пускает к себе никого. Может, думает, что ты его там искать не будешь?

— О, напрасно он так думает. Спасибо за информацию!

— Ники, ну я ж не стукачка, — сразу как-то сникла Марика.

— Да ну тебя! Выдумала еще тоже! Ты же мне просто по-дружески сказала, кто об этом узнает. — Я довольно улыбнулась. — И тем более, даже если узнают, ты мне только скажи, пусть теперь попробуют обидеть.

Марика вздохнула, и этот вздох, по-видимому, означал, что я безнадежна.

Ладно, потом с этим разберемся. А сейчас вперед, на второй этаж! Будем брать приступом кабинет казначея!

Никогда не думала, что смогу войти в такой азарт, выполняя работу отца. Наверное, все же власть пьянит, а в моем случае так и вовсе сносит голову. Только бы не наделать ошибок, за которые потом еще долго придется расплачиваться... Поэтому станем действовать быстро, а соображать еще быстрее.

Даже не зная, где находится кабинет казначея, дорогу можно было найти с закрытыми глазами, пользуясь только слухом. Вообще, создавалось такое впечатление, будто где-то заперли буйного носорога и он в ярости носится по своей тюрьме, пытаясь вырваться на свободу. Под самой дверью кабинета я нашла, собственно, самого казначея, который дрожал как осиновый лист, но мужественно не

уходил. Завидев меня, этот непризнанный храбрец издал восклицание, больше похожее на стон.

— Леди Николетта, да что это т-такое т-творится в самом деле?!

Далее последовала череда каких-то бессвязных стенаний, так что я стала опасаться, уж не бредит ли бедняга.

Все мои утешительные слова никакого действия не возымели. Напротив, господин Саржо всхлипнул как-то особенно жалобно и протянул мне счета, которые до сих пор трогательно прижимал к груди:

— Вы только п-посмотрите, что он д-делает, упырь п-проклятый.

Да, счета были основательно погнуты и, кажется, местами покусаны. Было бы даже жаль этого тщедушного и всеми обиженного человека, если бы я не видела его за исполнением своих профессиональных обязанностей. Но это совершенно другая история, и мы к ней еще вернемся...

— Пойду поговорю с ним. — Мне удалось деликатно отодвинуть от себя протянутые счета. — А вы сходите на кухню, водички попейте. Счета мы вам новые купим.

— На какие же это деньги купим? — начал возмущаться прижимистый казначей.

— Господин Гальяно купит.

Эти слова подействовали на скрягу лучше любого успокоительного.

— Тогда ладно...

Проводив взглядом худую долговязую фигуру господина Саржо, скрывшуюся за поворотом, я взялась за ручку двери. За стеной подозрительно грохотало, слышались тяжелые шаги и отдельные восклицания. Полнейшее ощущение, будто ты дрессировщик перед клеткой с диким зверем. Ну что ж, не трусить!

Я резко открыла дверь и предусмотрительно пригнулась. Как оказалось, не зря, а то получила бы чернильницей в свое не шибко распрекрасное, но от этого не менее дорогое личико. Убедившись, что больше письменные

принадлежности в воздухе не летают, можно было выпрямиться. Господин Гальяно в гневе смотрелся страшно, но выглядел при этом примерно как красный усатый бык в панталонах — мне смешно, а другие шарахаются. Повисла театральная пауза.

Не знаю, как лучше было бы вести себя в сложившейся ситуации, но при общении с дворецким я обычно предпочитала холодную вежливую чопорность, хотя бы для контраста. Не скажу, что метод успешный, но бушевать с ним на равных у меня не хватало темперамента. Поэтому скорее волшебные гномики приведут в порядок королевский сад, нежели я сейчас заговорю первая. Прежде всего мой отец младший лорд, во-вторых, я женщина и здороваться первой не обязана, тем более в такой момент. Ну и в-третьих, как бы не было ему неприятно это осознавать, теперь господин Гальяно находится у меня в подчинении.

Итак, я ждала, наблюдая за изумительными переливами цвета на лице дворецкого. Сначала он покраснел еще сильнее (я даже испугалась, что скоро буян сольется с бордовыми обоями), но затем, видимо, в голову ему пришла какая-то гениальная мысль, и цвет его кожи стал стремительно приближаться к общечеловеческому.

— Добрый день, леди Николетта. — Дворецкий не только поздоровался, но еще и выдавил из себя вялую улыбку. Я была, мягко говоря, поражена столь резкой перемене.

— По вашему поведению незаметно, что он добрый. — Удержаться от шпильки было невозможно.

— Это все от перенапряжения, дел-то последнее время предостаточно. — Видимо, господин Гальяно решил сделать вид, что ничего необычного не происходит, да к тому же завести светскую беседу. — Хотя кому я рассказываю, теперь-то вам будет известно обо всех делах во дворце.

Элегантный намек, ничего не скажешь.

— О, так вы уже слышали. — Я сделала круглые глаза. — Для меня это неожиданность и честь.

— Примите мои искренние поздравления. — Поздравления были настолько «искренними», что господин Галья-

яно все же не совладал с собой и слегка поморщился. — Если вам понадобится совет или помощь, вы всегда можете обратиться ко мне.

— Конечно-конечно, — елеино улыбнулась я. — Всегда знала, что на вас можно положиться.

— А теперь вынужден откланяться. — Дворецкий стал бочком пробираться к двери. — Сами понимаете — дела...

Мне доставило большое удовольствие дожидаться, когда он доберется до выхода, и запустить вслед:

— Господин Гальяно, а ущерб вам все же придется возместить.

— Непременно.

— Из своего личного кармана. — Это был завершающий удар по противнику.

— А как же иначе. — Дворецкий скрылся за дверью.

Я обреченно вздохнула. Не к добру. И поклялась глаз с него не спускать.

То, что все самое страшное еще впереди, я поняла, когда спустилась на кухню. Можно бороться против пьянства, лени и явной агрессии, но поделаться что-либо с неотвратимо приближающейся к своему логическому концу беременностью я не могла.

— Тетя Кларина, — простонала я умирающим голосом, глядя на огромный живот королевской поварихи. И как только раньше мне удавалось ничего не замечать? Кларина, конечно, женщина в теле, но моей слепоте не было оправдания.

— Привет, Ники. Разве отец тебе не говорил, что через неделю мне придется оставить работу? — Кларина безмятежно улыбалась, а я безвозвратно теряла нервные клетки.

— Ни слова. — Вот уж не думала, что так скоро буду готова отдать медальон управляющего, только бы избавиться от всей этой ответственности.

— И, значит, наверняка не удосужился подобрать замену, — вздохнула повариха и тяжело села на стул. — Ох

уж эти мужчины, умудряются не замечать совершенно очевидных вещей.

Месяц восьмой-девятый — реальная оценка ситуации погрузила меня в уныние. Я проскулила что-то неразборчивое, носком туфли подтянула к себе трехногую табуретку и тоже села, скорбно положив подбородок на край стола. На кухне мне нравилось, особенно в такое время, как сейчас, когда обед только-только закончился, а делать ужин еще не начинали. Поваров на кухне было мало, а те, что оставались, готовили безо всякой спешки. Но сегодня близость к еде оказалась не в радость.

Наверное, лицо у меня приняло щенячье-грустное выражение, потому что Кларина сжалилась и сказала:

— Ники, может, еще не поздно? У меня есть племянник, год назад окончил академию доктора Плинуса по поварскому направлению, младший лорд, кстати (сестра моя поудачней, чем я, замуж вышла), пусть он меня заменит, пока ты не найдешь хорошего повара.

— Ну какое мне будет дело до его титулов, если гостям подадут несъедобные кушанья? Год назад окончил академию, сколько ему, двадцать два?

— Двадцать три, — поправила Кларина.

— Какая разница, чтобы быть королевским поваром, нужен опыт, не мне вам об этом рассказывать. К нам придут иностранные принцессы и прочая знать, а у нас повар-мальчишка. — Я почувствовала в своем голосе незапланированную слезливость и вовремя заткнулась, чтобы не слишком разжалобить саму себя.

— И что, мои поварята не подкачают, тут, скорее, нужен контроль, чем умение готовить. — Повариха подошла и погладила меня по плечу.

— Ну так, может, и оставите вместо себя одного из своих... мм, — я запнулась, глядя на бородатого мужика, разделяющего огромным тесаком коровью тушу, — кхм... поварят.

— Да ну тебя, не смеси, — махнула рукой женщина. — Эти балбесы и двух слов-то связать не могут, а ты хочешь,

чтобы с ними общались гости. Они и меню составить не сумеют.

— Пойду, — еще жалобнее простонала я, не двигаясь с места.

— Куда?

— Вешаться. Думаю, с этим медальоном можно не только топиться, но и абсолютно удачно вешаться. Незаменимая вещь, в сущности.

— Вот за что тебя люблю, так это за твой оптимизм. — Меня по-медвежьи обняли. — Ну, так написать племяннику?

— Пишите, — сдалась я под напором поварихи. — Когда он приехать сможет?

— Да через неделю и приедет, у них имение недалеко от Грелады, — радостно защебетала женщина, довольная тем, что так хорошо пристроила родственничка. Замена заменой, а так ведь и за место при дворе зацепиться можно. — Ты не пожалейшь.

Я уже жалела. Просто великолепно! В управляющих замка сопливая девчонка, главный садовник — пьяница, дворецкий — буйнопомешанный, так еще и королевским поваром станет зеленый юнец, у которого все рецепты до сих пор в студенческих конспектах!

Мама, мама, забери меня отсюда! Поеду в деревню, буду нянчить братьев и интересоваться урожаем брюквы в этом году!

Я оставила Кларину радостно строчить письмо племяннику, а сама поплелась по бесконечным коридорам замка, думая, что бы еще такое сделать и не достаточно ли на сегодня. На втором этаже слышались вопли казначея: «Людоед проклятый!» — у него в отсутствие дворецкого прорезался почти что оперный бас. И как только этот голос помещается в тщедушном теле?

На третьем этаже мимо меня промелькнула фигура короля. Уж не померещилось ли? Монархи редко крадутся на цыпочках. Любопытство повело меня следом. Ратмир II совсем не величественно шмыгнул в одну из малых

гостиных, но я заглянуть туда не решилась. Да и сзади раздался звук шагов: по коридору гуськом шествовали министры, восемь штук, у каждого в руках какие-то бумажки. Кхм, странно, эти типы редко вылезают из своих кабинетов.

— Добрый день, леди Николетта. — Министр сельского хозяйства, как всегда, оказался самым вежливым, или просто он единственный, кто из всей этой компании знал, как меня зовут. — Вы не видели его величество?

— Добрый день, — улыбнулась я и встала ровнехонько на проходе в гостиную. — Нет, к сожалению, сейчас не видела.

Министры зашуршали и посеменили дальше по коридору, потеряв ко мне всякий интерес.

— Спасибо, — раздался из-за тяжелой портьеры монарший голос.

— Не за что, — ответила я и поспешила убраться с этого места. А ну еще его величество возмутится, что управляющая праздно шатается по коридорам — это им, коронованным особам, можно бегать от работы, а мне ни-ни.

Не желая больше искать приключений на свою голову, я поплелась к кабинету своего отца, а вернее, теперь уже к моему кабинету. Но войти в него мне было не суждено, под дверью дежурили... Портниха и две ее помощницы. Не заподозрив подвоха, приблизилась к ним без всяких опасений и тут же была подхвачена под руки с двух сторон.

— А поздороваться? — обиженно протянула я, вовсе не представляя, что им от меня надо.

— Некогда, — безапелляционно отрезала мадам Лизет, — нам еще нужно снять с тебя кучу мерок и определиться с тканями.

— Для чего? — Я уперлась пятками в пол, но помощницы портнихи были дамами атлетического сложения и бесстрастно продолжали волочить меня за собой. — У меня дел много! Куда меня тащат?

— А новый гардероб вы откуда брать собираетесь? — хмыкнула моя мучительница.

— А мой старый чем вам не нравится? — не сдавалась я врагу.

— Позорище! — припечатала мадам Лизет. — Разве можно в этом появиться при дворе, а уж тем более перед иностранными гостями?

Я невольно перестала сопротивляться и критически оглядела себя. Платье как платье. Ну что им всем от меня надо?

Следующее утро оказалось еще безрадостнее, чем предполагалось. Отец уезжал в деревню. И если раньше я как огня боялась того, что он увезет меня с собой, сейчас с радостью уехала бы с ним, хоть в чемодане. Отец был подозрительно бодр, за резные столбики крыльца не цеплялся, оставить его при дворце не упрашивал. Я позевывала, вчерашний обмер для гардероба затянулся допоздна — ох, не так себе представляла будни управляющего.

— Ники, ты, главное, не отчаивайся, — ободряюще начал отец. — Уследить за всем все равно невозможно, просто работай.

— Угу, — невесело кивнула я, — потом найду себе замену и тоже приеду к вам в деревню, поправлять пошатнувшееся здоровье.

— Ну вот, молодец. Сарказм — первый признак неугасающего оптимизма. — Он обнял меня на прощанье.

— Скорее уж наоборот. Маму поцелуй и братьям привет. Писать не обещаю, наверное, некогда будет.

— Ничего, я и без твоих писем буду в курсе событий, — хитро подмигнул отец.

Когда карета отъехала от дома, я с тяжелым вздохом мученика, обреченного на казнь, поплелась ко дворцу. Либо у меня разыгралось воображение, либо местами сад стал выглядеть чуточку попримечнее. По крайней мере исчезли толстые корни и лианы, которые раньше бесцеремонно выползали на дорожку, и теперь можно было не опасаться, споткнувшись, получить неожидан-

ную коррекцию лица дорожной кладкой. Если садовники сделали это всего за вечер, появлялась надежда, что к приезду гостей в саду можно будет гулять. Но тут мне в голову закрались нехорошие опасения, и я решительно свернула с главной тропинки, пусть для этого и пришлось проломиться сквозь недружелюбный кустарник. С руганью, вовсе не подходящей леди, я вывалилась на соседнюю дорожку. Дорожка находилась в состоянии первозданной дикости, и не только она одна, но и все, на которые я потом удосужилась повернуть. Так... умники. Значит, привели в порядок путь от моего дома до дворца и думают, что на остальное никто не обратит внимания. Самое обидное, что сейчас никак не могу придумать, что бы такого с ними сделать, чтобы у них мозги встали на место. Уволить не уволишь, где потом других брать в таком авральном режиме?

Я решила пока плюнуть на это дело и снова направилась к дворцу, по пути стряхивая с платья мусор, который героически собирала по всему саду в течение последних десяти минут. На лестнице восточного входа во дворец меня ждал сюрприз. Сюрприз источал винные пары, сидел, подперев небритую щеку рукой, и тоскливо глядел куда-то вдаль. Значит, вчера главный садовник так и не протрезвел, и радикальные водные процедуры прошли зря. Хотя... чего я ожидала?

Превозмогая отвращение, я присела рядом с ним на ступеньку (все равно платье после моих вылазок придется менять) и тоже задумчиво уставилась вдаль. Взору открывались какие-то неровные дебри.

— Красота-а-а. — Как зовут садовника, мне не вспомнить, а завязать разговор надо.

Мужик пробормотал нечто нецензурное в ответ, отвернулся и сплюнул. Разговор явно не клеился.

— Нет, ну а что вам не нравится? Дикая природа — самое прекрасное, что может быть на свете. Нам обязательно нужно запустить сюда стаю волков и создать естественную экосистему, — заливала я. — А когда вся эта фло-

ра и фауна начнет расползаться по дворцу, мы и вовсе станем жить в единении с биосферой.

— Какая, к лешей бабушке, биосфера, — пробурчал он на редкость связно для пьяницы. — Деточка, сделай одолжение, заткнись. Сначала испоганят все, а потом у них, видите ли, биосфера какая-то! Вали отсюда, куда шла.

— Это что еще такое я испоганила? — Моему возмущению не было предела. — Сами сад до какого состояния довели — зайти страшно!

— Ну не ты испоганила, так твой папаня постарался, мотыгу ему в печень! Кто два года назад восточное крыло ремонтировал, я, что ли?

— Может, и ремонтировали, это тут при чем? — В то время моя особа благополучно чахла в деревне, поэтому уверенности в моем голосе поубавилось.

— А то, что испоганить вы всегда готовы, а как исправлять, так, Митич, выкручивайся сам! Я тебе сказал проваливать, так и проваливай, ишь ты, расселась тут, юбками пол вытирает!

Его заплывшие мутные глаза смотрели на меня очень недобро, даже захотелось поежиться.

— Да что испоганили-то?

— Кыш!!!

Я поняла, что дальнейшие расспросы бессмысленны, и не без радости встала — уж больно убийственный дух тут стоял. Если от него мне ничего не добиться, надо искать информацию в другом месте. Мне пришлось снова углубиться в сад и направиться в сторону злополучной теплицы — гнезда лени и развращенной садовнической жизни.

Картина, представшая моим глазам, на этот раз отличалась лишь отсутствием пьяного тела под кактусом (ибо оно присутствовало на лестнице) и тем, что теперь играли не в карты, а в домино. При моем появлении костями зазвенели и спрятали их куда-то под бочку.

— Доброе утро, — первым сообразил поздороваться вчерашний заморыш, которому я сдала на руки главного

садовника. С заданием он не справился, но толк из него выйдет — стоит взять на заметку.

— Если бы доброе. — Начало моей речи было многообещающим. Эх, зря все колючки и ветки из платья и волос вытащила! Такой бы наглядный пример получился! — Я, знаете ли, гулять на свежем воздухе люблю по утрам.

Садовники дружно позеленели, будто собирались пустить корни в своей теплице, а затем стали делать какие-то робкие поползновения в сторону садового инвентаря.

— Хотя, собственно, я не поэтому пришла. — Люблю радовать людей. — Просто хотела полюбопытствовать, что произошло во время перестройки восточного крыла дворца два года назад.

— Ну дык это, — с умным видом начал мужик в живописной жилетке на голое тело. Господи, одел бы его кто, все ж не в богом забытом лесничестве белок стережет. — Того, дворец перестраивали. Лесенку там забабахали, любо-дорого поглядеть.

— Это понятно, — поморщилась я. — А когда перестраивали, ничего не попортили?

— Уж как водится, все попортили. На том месте раньше розочки были, так они пока кирпичи возили, все и повытоптали. — Рассказчик шумно почесал поросль на груди.

— В смысле розочки?

— Розарий, — продемонстрировал более широкий словарный запас одаренный подросток. — Митич над ним трясся-трясся, а ему потом даже денег на восстановление не дали.

А садовник-то у нас, оказывается, пьет исключительно по причине тонкой душевной организации. Хотя мне до сих пор слабо верилось в мистическую связь между розочками и бутылкой, проработать этот момент стоило.

— А вы конечно же в розочках не разбираетесь? — даже и не надеясь на положительный ответ, а больше мысля вслух, протянула я.

— Ну, э-э-э-э, — смущенно поднял лапку парнишка. — Мой дядя занимается селекцией новых сортов роз.

— Как тебя зовут? — еще не веря своему счастью, поинтересовалась я.

— Зак.

— Пойдешь со мной. — Такие ценные кадры пригреть к рукам надо сразу же.

На выходе из теплицы я резко обернулась к расслабившимся было мужикам:

— А вы чего растеклись? Расчищайте место под розарий, будем восстанавливать!

— Дак... неизвестно, будут еще розы или нет, — проворчал любитель жилеток на голое тело.

— Если через два дня не будет готово, отправлю в Саррейское лесничество гоблинов гонять. — Голос мой был кровожаден от мнимого предвкушения.

Откуда им знать, что всех гоблинов там давно повывели?

Хотя иногда осознаешь, что лучше бы пошла охотиться на гоблинов, нежели общаться с некоторыми личностями.

— Я занят! — Господин Саржо недружелюбно зыркнул в мою сторону. — Зайдите попозже или оставьте заявку у секретаря.

Тут же рядом со мной словно тень нарисовался немногословный секретарь казначея, цепкими пальцами-косточками сжимавший бланк заявки. У меня всегда мурашки бегали по коже от этого человека, весь вид которого будто кричал, что его недавно выпустили из фамильного склепа, где он лет триста занимал должность родового привидения. Канцелярские крыски (как я их ласково называла), помощники господина Саржо, посмотрели на меня сочувственно. Мальчишка-садовник и вовсе затерялся где-то за кипой счетов и старался не подавать признаков жизни. Вот уж поистине логово всемирного зла!

— Нет, так не пойдет, мне деньги нужны сейчас. — Конец моей фразы прозвучал менее бодро. — Крайне важное дело.

— Ну и на что же вам нужны деньги? — проскрипел господин Саржо, не поднимая длинного носа от какой-то бумажки.

— На восстановление розария, — шустро отрапортовала я, хотя чувствовала, что вокруг сгущается недобрая атмосфера.

— Кхе-кхе. — Казначей то ли закашлялся, то ли засмеялся. — А знаете ли вы, милая барышня, что в связи с предстоящим мероприятием затраты на дворец возросли втрое? Какой еще, к чертовой бабушке, розарий?

Он ткнул толстенную книгу счетов едва ли не мне в нос. И откуда столько хамства в этом тщедушном человеке?

— Стоп, стоп, стоп.

Казначей попытался вернуть себе книгу, но я вцепилась в нее мертвой хваткой.

Зачем нам во дворец два ящика сигар «Кровавый рассвет»?!

Он как-то сразу обмяк и отпустил книгу, так что я чуть не улетела вместе с ней в другой конец кабинета.

— Ну, господин Гальяно сказал, что мы должны обеспечить достойный прием, поэтому сигары должны быть в каждой гостиной, — пролепетал казначей совсем уже неуверенно.

— Вы меня удивляете, господин Саржо, при вашей-то хватке, — нагло улыбаясь, поцокала языком я. — К нам приезжают принцессы и благородные леди, *девушки*, господин Саржо, *девушки*! Какие, к лешему, сигары «Кровавый рассвет» в каждой гостиной?! А вот розарий был бы тут в самый раз.

Казначей слегка порозовел. Странно, что этот жутко прижимистый человек идет на поводу у дворецкого, словно слепой кутенок! Я пролистала книгу дальше, вскоре обнаружили сто незапланированных литров крепчайшего коньяка на кухню, две картины популярно-

го художника под общим названием «Куртизанки в раю» (кому они предназначались, к счастью для получателя, не было указано), загадочная подкова с не менее загадочной припиской «на счастье» в конюшню и еще куча всякой мелочовки.

— Неудивительно, что расходы возросли втрое, — мстительно протянула, глядя на совсем стушевавшегося счетовода. Сомневаюсь, что все это такие уж большие расходы, но должна же я была поглумиться над беднягой.

— Насчет втрое — это я преувеличил, — пошел на попятный господин Саржо.

— Так, всю ту ересь, которую еще не оплатили, отменить. Все лично заинтересованные могут побеседовать со мной в частном порядке и доказать оправданность этих трат. Ну а на сэкономленные таким образом деньги мы и восстановим розарий, — резюмировала я. — Господин Саржо, выпишете доверенность вот на этого... Зак, вылежай уже из-за шкафа... молодого человека.

Зак высунул смущенное веснушчатое лицо и, не зная, куда девать длинные неуклюжие руки, подошел ко мне.

— Во сколько нам примерно это встанет?

Парень на секунду замялся, но говорить начал по делу:

— Нам же нужны уже взрослые растения, да к тому же хороших сортов. Исходя из площади, это минимум кустов триста. Куст стоит от одного до двух ладов, в зависимости от сорта.

— Значит, в среднем получится около четырехсот пятидесяти ладов, — быстро подхватил казначей.

— Плюс доставка и сопутствующие материалы — еще ладов пятьдесят, — вогнал в тоску только-только просветлевшего Саржо паренек.

— Доставим своими силами, — не сдавался казначей.

— Ну вы тут дальше сами разбирайтесь. — Я стала стратегически отползать к двери: расчеты никогда не были моей сильной стороной. — Зак, сообщишь мне, когда привезут розы.

Наш церемониймейстер имел почти идеальную форму... форму шара. Было совершенно непонятно, куда при его создании матушка-природа подевала шею. Зато эта идеальная форма нисколько не мешала ему двигаться. Я шла по коридору к покоям короля, а вокруг меня бойким клубком прыгал сэр Мэлори, потрясая каким-то списком и беспрестанно тараторя:

— Вы же понимаете, это очень важно, в Либерии не танцуют мольез, а в Азме это национальный танец. В Катоне вообще танцевать не принято — это считается неприличным занятием для хорошего общества. В Церсе предпочитают калькот, но это танец, слишком откровенный даже для Грелады. И потом, совершенно непонятно, когда устраивать бал. Церемония представления может затянуться, а на следующий день — это уже как-то не так торжественно. Да и расходы, расходы, у нас очень ограниченный бюджет. — Церемониймейстер говорил без передыху, и я знала, что, если его не остановить, это будет продолжаться бесконечно. — Ну так вот, насчет танцев...

— Сэр Мэлори, играйте на балу вальс — это избавит вас от многих лишних проблем, а остальные танцы включите по одному, чтобы не обидеть гостей, — наконец сумела вклиниться я в словесный поток. — И вообще, каким образом меня касаются эти проблемы? Церемониймейстер вы, и на вас лежит организация всех торжественных мероприятий, я к этому имею лишь косвенное отношение. Зачем вообще вести меня к королю?

— Ну вы же понимаете, все должно быть согласовано. Может быть, завтра решу устроить фейерверки, я хочу знать ваши возражения по этому поводу. И мы вдвоем должны учитывать пожелания его величества. Кстати, как вы относитесь к фейерверкам? Что, если их устроить после бала?

— Положительно отношусь, если при этом не пострадает дворец. — Мне пришлось поспешить с ответом, только чтобы он не продолжал своей мысли. — А вот и покои короля.

Вздохнув с облегчением, я предупредительно пропустила сэра Мэлори вперед: пусть сам объясняет, зачем мы сюда приперлись.

— Доложите, что церемониймейстер и управляющий дворцом прибыли по делу к королю, — неуклюже, но зато официально заявил колобок одному из стражников перед дверью.

Не говоря ни слова, страж скрылся в покоях, и почти тут же мы услышали голос монарха:

— Пустить.

«Что-то как-то уж больно много радости в этом голосе!» — подозрительно подумала я. Сомневаюсь, что наши персоны могут вызывать такой восторг без всякой причины.

Как оказалось, причин было целых две. Первая — излишне волосатая, странно одетая и сладкоречивая — звалась министром иностранных дел. Вторая — в розовых рюшах и старомодном чепце — королевской свахой. Обе они штурмовали короля при помощи коллекции портретов принцесс и знатных дам. Я мысленно посочувствовала Ратмиру II, не забыв, впрочем, и про реверанс.

— Сэр Мэлори, леди Николетта, я скоро освобожусь. — Монарх многозначительно глянул на своих учителей. — Присядьте пока.

Мы послушно сели, словно дрессированные собачки. К счастью, обстоятельства не позволяли сэру Мэлори продолжать свою трескотню, поэтому я имела возможность немного поскучать и прислушаться к разговору, который, видимо, длился уже не первый час, да и не первый день.

— Принцесса Анит из Либерии, — лорд Дансэн настойчиво совал под нос королю портрет какой-то девицы, — достаточно выгодная партия: таким образом мы сможем поправить нашу торговлю. А потом, кто знает, ее старший брат, наследник престола, — хилый тщедушный человек, случись чего, больше, кроме Анит, наследников трона нет.

— Да вы, ваше величество, только посмотрите, какая девушка, — вторила министру сваха. — Сразу видно: крепкая, здоровая — продолжение рода вам обеспечено. Да и сильная — мне доложили, что принцесса Анит интересуется кузнечным делом, сама объезжает лошадей и очень любит охоту.

Я даже слегка приподнялась, чтобы иметь возможность полюбоваться на эту чудо-девицу. На портрете была изображена крупная девушка с румянцем во всю щеку, смоляными бровями вразлет и *очень* большим размером груди.

— Что-то мне не хочется, чтобы моя будущая жена занималась кузнечным делом, — словно озвучил мои сомнения монарх.

— А вы не жену выбираете, а королеву, — остановиться вовремя мне не удалось, — ой!

Все посмотрели на меня неодобрительно. Я закрыла рот и села, стараясь казаться как можно меньше. Ну и кто тянул меня за язык? Мне не сказали ни слова, наверное, уж больно пристыженный вид у меня был. Уж что-что, а изобразить раскаяние я умею. Именно изобразить.

— Давайте на этом закончим, — воспользовался моей бестактностью Ратмир II. — У нас еще будет время, чтобы все обсудить.

Министр и сваха недовольно закивали, но к двери пошли покорно, на ходу обсуждая, как геополитическое положение страны влияет на степень привлекательности той или иной девушки. Я поморщилась: все же незавидная участь у монархов. Взглянула на самого короля и обнаружила у него точно такое же выражение (к слову сказать, совсем некорольское). Ратмир II тут же встрепнулся и сделал лицо кирпичом, будто ничего особенного и не произошло. О, простите! Кажется, о царских особах так не говорят, пусть будет «сделал лицо мраморной плитой», хе-хе.

— Сэр Мэлори, что у нас там с планом праздничных мероприятий?

Розы привезли через несколько дней. К тому времени я уже нервно била копытом в ожидании этой флоры, потому что, как ни старалась каждый день гонять садовников, какими только изошренными карами ни грозила, эти бездельники не могли довести сад до приличного состояния. А тем временем до прибытия первых гостей оставалась едва ли неделя.

Поэтому, когда ко мне в кабинет без стука влетел запыхавшийся Зак и выдохнул: «Привезли!» — я с восторгом покидала на стол списки гостей, до которых у меня только-только дошли руки, и бросилась вдогонку за мальчишкой, ибо этот сорванец и не подумал сбавить скорость из-за того, что за ним следовала дама. Я едва не поскользнулась на свежевывмытых полах восточного холла, но сумела удержаться на ногах и выскочить вслед за Заком на крыльцо, почти не отстав от него.

По дороге, только недавно освобожденной от буйной растительности (не без моего чуткого руководства, конечно), тянулись тяжело нагруженные повозки. Зрелище радовало глаз.

— Где садовники? Кто будет разгружать? — спросила я Зака.

— Сейчас подойдут. Сами и разгрузим, тут ведь аккуратно надо.

— Тогда тащи сюда Митича.

— Так он опять пьяный, толку от него! — возмутилось молодое дарование.

— Сказала — приведи, значит приведи, в каком бы состоянии он ни был. Если понадобится, поперешь на себе, — отрезала я.

М-да, от присутствия главного садовника при разгрузке цветов зависел успех моего психологического мероприятия. Зак убежал — только пятки засверкали. Стали подтягиваться садовники, словно лесные тролли, вылезая из кустов. Я в который раз посетовала на их дикий и неухоженный вид (надо будет что-то с этим сделать, но не сейчас, у меня для этого еще есть неделя). От безысходно-

сти захотелось побиться головой о перила лестницы, но я взяла себя в руки и даже изобразила на лице улыбку, когда садовники приблизились ко мне.

— Ну что, леди, начинаем разгружать? — Мужик в жилетке, наверное, специально подошел ко мне, чтобы испытать на прочность мой эстетический вкус.

— Через пять минут, только Митича дождемся, — пообещала я.

К счастью, долго ждать не пришлось. В конце аллеи показались две пошатывающиеся фигуры: одна худая и тонкая, Зака, другая (собственно, сам источник пошатывания) — главного садовника.

— Куда его? — спросил запыхавшийся паренек, с трудом дотащив тело.

— Сгружай на лестницу, только так, чтобы ему было видно, чем мы здесь занимаемся.

Митича усадили на ступеньки, я немного брезгливо села поодаль.

— Начинайте разгружать, — это уже садовникам, — только...

«Только поосторожней», — хотела добавить, но вовремя опомнилась. Поосторожней-то как раз и не надо. Разгрузка началась под легкий матерок и конское ржание. Митич немелодично икал и булькал рядом, я подперла щеку рукой и стала ждать. Зак, заметив, что его не гонят на погрузку, сам трудового рвения проявлять не спешил и втихаря, думая, что я не обращаю внимания, прислонился к перилам. Ладно, пусть стоит, все равно он слишком тщедушный.

Через некоторое время процесс пошел.

— Что это вы тут делаете? — беспрестанно покачиваясь и безуспешно пытаюсь сосредоточиться, спросил Митич.

— Розы разгружаем. — Я не спешила вдаваться в детали.

Взгляд у садовника стал бычьим — он так уставился на своих подчиненных, что я на их месте уже начала бы спотыкаться и ронять кусты.

— Какие такие розы? — Вопрос был более чем угрожающим.

— Вот купили розы, хотим высадить на месте старого розария.

Митич уставился на освобожденную и вскопанную площадку:

— Руки пообрываю недотепам...

Пожалуй, продолжение его речи я передавать не буду.

Садовник попытался встать, но ноги его не слушались, он начал нашаривать рукой опору, но ничего похожего поблизости не было.

— Зак, — позвал он, заметив подростка, разглядывавшего его не то с изумлением, не то с некоторым сарказмом.

Зак подскочил к нему и помог встать на ноги. Митич чуть не двинулся к вскопанной площадке, но тут снова обратил внимание на процесс разгрузки цветов. Такого злого выражения лица мне за свою недолгую жизнь еще видеть не доводилось.

— Что вы, ублюдки безрукие, делаете? — зарычал все еще пьяным голосом главный садовник. — Да за такое...

Дослушивать я не стала, поднялась со ступенек, отряхнула платье и пошла в замок. Через день-два надо сделать еще одно контрольное наблюдение за «пациентом», а в остальном эксперимент вполне удался.

ГЛАВА 2

Секреты дрессуры животных, и не только

У меня в руках был список гостей, которым предстояло поселиться в замке — всего тридцать четыре девицы с мамками, няньками и прочей свитой. Кажется, с этим списком я уже умудрилась обегать половину дворца в поисках господина Гальяно. Поиски были безуспешны. Да прячется он от меня, что ли? Тогда решила найти Мари-

ку, пронырливая горничная всегда умудрялась быть в курсе всех дел, а выследить ее было не в пример проще.

В прачечной меня ждал неожиданный успех. Марика с кислой миной на лице собирала белье в корзину. Все ясно: ей просто не с кем поболтать. С прачками-то особо не поговоришь.

— Ты-то мне и нужна, — победоносно заключила я.

— Ники, что опять стряслось? Ты целую неделю как угорелая носишься по замку, неужели за это время нельзя было решить всех проблем?

— Ты себе просто не представляешь, сколько этих проблем. И потом, я же никогда ничем подобным не занималась... Но дело не в этом. Гальяно не видела?

— Почему ты вдруг решила искать его около меня? — фыркнула девушка.

— Так получилось.

— Не знаю, где он. А в его кабинете смотрела? А что, собственно, тебе от него нужно на этот раз?

— Да вот, список приглашенных, хотела узнать, какие комнаты он уже приготовил и кого куда поселит.

— Мы готовили комнаты в южном и частично восточном крыле, всего чуть меньше сорока, кажется, а кого....

— Стоп! — резковато воскликнула я. Еще бы! От таких новостей у кого угодно волосы встанут дыбом. — Сколько, ты сказала, комнат?

— Около сорока. — Марика даже отступила на шаг. Ее карие глаза смотрели на меня растерянно.

— Но во дворце решили поселить тридцать четыре девушки!!!

— Как раз хватит, даже с запасом. — Она до сих пор не понимала, о чем я говорю.

— Мика, очнись, где ты видела принцессу, которая приезжает без свиты и родственников?!

У подружки от открывающихся нерадужных перспектив глаза поползли на лоб.

— Но как же?... — растерянно спросила она. — Почему?

— Не думаю, что Гальяно именно такой идиот, каким пытается казаться. Скорее всего, он сделал это намеренно. — Я мрачно вышла из прачечной и придержала дверь, чтобы горничная смогла протиснуться с бельевой корзиной.

— Ники, а ведь эти комнаты мы закончили убирать еще неделю назад. А потом я еще удивлялась, зачем мы готовили их в такой спешке, а теперь вдруг работы не больше, чем обычно.

— Может, изначально Гальяно и собирался приготовить комнат раз в два больше, но потом...

— Потом ты стала управляющим, — продолжила мою мысль Марика. — Ники, но это же подло! Зачем ему это? Даже не знаю, как такое назвать.

— Саботаж, обычный саботаж, — спокойно сказала я, хотя сохранять спокойствие было нелегко.

— Мне брат рассказывал, как поступают с саботажниками на морских судах, — очень недобро пробормотала горничная. — За борт, и дело с концом.

— К несчастью, мы не на корабле, и, выкинув Гальяно, скорее приобретем проблем, чем избавимся от них. По крайней мере сейчас этого делать не стоит. Ладно, я пойду и все же разыщу его. Надо что-то с этим решать.

Ну вот, еще одна головная боль. Я никак не могла придумать, как найти подход к дворецкому. Конечно, самый простой способ — это пожаловаться королю да и выкинуть его из замка. Но что дальше? Э-э-эх, непростая задачка.

По привычке я снова притопала к кабинету дворецкого. На этот раз оказалось, что комната обитаема.

— Добрый день, господин Гальяно. — Стучаться перед тем, как войти, у меня не было ни малейшего намерения.

Дворецкий едва не поперхнулся коньяком и выронил из рук сигару «Кровавый закат».

— День добрый, леди Николетта. Чем обязан? — Этот наглец сделал вид, что ничем предосудительным не занимается, но сигару затушил.

— Решила узнать, подготовлены ли уже комнаты для наших гостей.

— Подготовлены.

— А не просветите ли вы меня, господин Гальяно, сколько именно комнат?

— Все согласно предоставленному списку приглашенных, — начал подозревать недоброе тайный саботажник.

— Назовите мне число комнат, господин Гальяно! — Я добавила в голос стали — в данный момент это вышло отлично.

— Тридцать восемь, — прошипел дворецкий, но раскаяния на его лице я не заметила.

— Вы считать умеете?! — Я грубо ткнула ему в лицо список приглашенных. Что ж, придется поскандалить: мягкие методы мы уже пробовали.

— Да что не так-то!!!! — начал переходить на крик и багроветь Гальяно. — Тридцать четыре человека — тридцать восемь комнат, даже с запасом, на всякий случай!!

— Господин Гальяно, а вы принцесс собираетесь вместе с родственниками и прислугой селить, чтобы в тесноте, да не в обиде?!

Гальяно вырвал список и навис надо мной злобной громадой.

— Скажите мне, милая леди, где, где вы здесь видите хоть одного указанного родственника?! Сначала потрудитесь предоставлять нормальные списки, а уже потом начинайте скандалить!!!

— Господин дворецкий, во-первых, снизьте тон, а во-вторых, я начинаю сомневаться в вашей компетентности! Как можно, имея такой опыт, не знать, что в подобных списках указываются только главные приглашенные лица, а с ними, как правило, приезжает целый табор в качестве сопровождения.

— Ах, вы сомневаетесь в моей компетентности?! — еще больше разошелся Гальяно. — Тогда увольняйте меня!

Кажется, я только подлила масла в огонь, надо искать другой подход.